

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК У ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ПРОЯВЛЕНИЙ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ

Трусова А.В.^{1,2}, Канашов А.Е.¹, Ангеловский А.А.³, Варакосова Е.Л.⁴, Жидкова Т.С.⁴, Сафонова А.В.⁴, Лукманова З.Г.⁴, Бердецких Е.И.⁴, Абрамец М.А.⁴, Пескишева Л.Ю.⁴, Пахнева К.Г.⁴, Алиева С.Ш.⁴

anna.v.trusova@gmail.com

- ¹ Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
- ² Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева
г. Санкт-Петербург, Россия
- ³ Управление образования администрации Копейского городского округа
г. Копейск, Россия
- ⁴ Муниципальные образовательные учреждения г. Копейска
г. Копейск, Россия

Статья поступила 10.02.2020

Проведено исследование 1119 школьников в возрасте от 15 до 18 лет с целью выявления распространенности признаков интернет-зависимого поведения и изучения гендерной специфики признаков интернет-зависимости (ИЗ) и индивидуально-психологических факторов, значимых для ее формирования. Минимальный риск интернет-зависимого поведения был выявлен у 31,2% обследованных, умеренный риск интернет-зависимости – у 58,4% обследованных, высокий риск / выраженные признаки интернет-зависимости – у 10,4% обследованных. Проведенное исследование показало значительные гендерные различия как в проявлениях интернет-зависимого поведения, так и в специфике индивидуально-психологических факторов риска ИЗ у подростков. В целом у девушек наблюдается больше проявлений интернет-зависимого поведения, более выражены компульсивные симптомы, симптомы отмены, толерантность, ключевые симптомы и общий балл по шкале Чена. В

Об авторах:

Трусова Анна Владимировна – канд. психол. наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии СПбГУ; ст. науч. сотр. отделения лечения больных алкоголизмом НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева.

Канашов Антон Евгеньевич – аспирант факультета психологии СПбГУ, медицинский психолог детского поликлинического отделения №64 СПбГБУЗ «Городская поликлиника №109».

Ангеловский Алексей Анатольевич – канд. пед. наук, начальник управления образования администрации Копейского городского округа.

Варакосова Елена Леонтьевна – педагог-психолог муниципального учреждения «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи», г. Копейск.

Жидкова Татьяна Сергеевна – педагог-психолог муниципального образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №24», г. Копейск.

Сафонова Алла Владимировна – педагог-психолог муниципального образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №24», г. Копейск.

Лукманова Зилия Габдрауфовна – педагог-психолог муниципального образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №2», г. Копейск.

Бердецких Елена Ивановна – педагог-психолог муниципального образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №49», г. Копейск.

Абрамец Марина Александровна – педагог-психолог муниципального образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №4», г. Копейск.

Пескишева Любовь Юрьевна – педагог-психолог муниципального образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №44 имени С.Ф. Бароненко», г. Копейск.

Пахнева Ксения Григорьевна – педагог-психолог муниципального образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №43», г. Копейск.

Алиева Светлана Шириновна – педагог-психолог муниципального образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №6», г. Копейск.

группе с высоким риском / наличием ИЗ у девушек более выражены только проявления симптомов отмены, т.е. при невозможности воспользоваться интернетом / устройством с доступом в интернет они более чем юноши склонны к изменениям настроения, раздражительности, беспокойству, депрессивным проявлениям, тревоге и т.д. По данным исследования, девушки могут быть уязвимы к формированию ИЗ в силу эмоционального неблагополучия – алекситимии, страха негативной оценки, социальной тревожности и преобладания негативной аффективности. В группе с умеренным риском ИЗ у юношей более выражены негативные последствия ИЗ, а также негативное восприятие взаимоотношений с отцом. Также взаимоотношения с отцом представляются более проблемными в группе юношей с высоким риском ИЗ. Гендерная специфика восприятия родительского стиля воспитания была выявлена только в группах подростков с умеренным и высоким риском ИЗ и только в отношении фигуры отца, но не матери. Данные исследования могут служить основой для разработки таргетированных и гендерно специфичных программ профилактики ИЗ и раннего вмешательства среди школьников.

Ключевые слова: интернет-зависимость, подростки, нехимические аддикции, социальная тревожность, алекситимия, гендерные различия.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие интернета и использующих его технологий является не только позитивным и неизбежным аспектом жизни в современном мире. К числу актуальных проблем мирового общественного здравоохранения относится изучение проблемного использования интернета (Problem Usage of Internet) и рост интернет-зависимости (ИЗ). Эти состояния приводят к ухудшению социального и личностного функционирования, а также ассоциированы с рядом нарушений физического и психического здоровья. В настоящее время отсутствует консенсус в отношении определения интернет-зависимости, и этот термин используется разными авторами с разной коннотацией. В целом, ИЗ определяется как чрезмерное использование интернета, сопровождаемое влечением (тягой), ростом толерантности и негативными последствиями [4].

Наиболее активными пользователями сети являются подростки и молодые люди. Как и в случае формирования других аддикций, незрелость ряда мозговых механиз-

мов, в том числе регуляции эмоций, несформированность личностных качеств и навыков межличностного взаимодействия делает именно эту группу (подростков и людей молодого возраста) наиболее уязвимой в отношении риска ИЗ [4; 14].

Оценка распространенности расстройств, связанных с чрезмерным использованием интернета, в настоящее время является предметом широкого научного изучения и дискуссий.

По данным мировой эпидемиологической оценки, распространенность ИЗ в среднем составляет от 1% до 18% [13], при этом в США и Европе распространенность ИЗ меньше, чем в странах Восточной Азии (Китай, Южная Корея и др.) [15].

Обследование в школах учащихся 9 и 10 классов в семи европейских странах (Греции, Испании, Польше, Германии, Румынии, Нидерландах и Исландии) показало, что от 0,8 до 1,7% учеников имеют признаки ИЗ, оцениваемой по шкале К. Янг [19].

Российские исследования в этом направлении показывают достаточно разнородные результаты. Так, по данным 2015 г., в выборке подростков, проживающих в Москве, признаки ИЗ обнаруживаются у 4,3% обследованных, при этом 29,3% входят в группу риска [6].

Данные мониторинга 2010–2011 гг. российских учащихся средней школы шести федеральных округов Российской Федерации показали широкую распространенность вовлеченности в компьютерные игры, в том числе с использованием интернет-технологий (89% мальчиков и 64% девочек), при этом, по мнению авторов, каждый третий мальчик и каждая пятая девочка входят в группу риска развития ИЗ [9].

По данным международного проекта «Дети Европы онлайн» (EU Kids online), российские подростки более склонны к чрезмерному использованию интернета, чем европейские, а к группе риска по склонности к интернет-зависимости в России можно отнести от 10% до 26% подростков в возрасте от 11 до 16 лет [10].

В целом, ИЗ в значительной степени связана с многочисленными негативными последствиями для подростков, такими как нарушения психического здоровья (например, депрессия, тревожность и обсессивно-компульсивные проявления), проблемы физического здоровья и плохая успеваемость. Исключительно важно, что ИЗ и ее негативное влияние на подростков могут продолжаться и в зрелом возрасте [14; 17]. Таким образом, для содействия профилактике и ранним вмешательствам при ИЗ крайне важно своевременно выявить как подростков группы риска ИЗ, так и индивидуально-психологические факторы риска ИЗ, в том числе с учетом их гендерной специфичности.

Цель настоящего исследования – выявить распространенность признаков интернет-зависимого поведения в выборке подростков 15–18 лет, полученной сплошным методом, и проанализировать гендерную специфику признаков ИЗ и индивидуально-психологических факторов в группах с разным уровнем выраженности признаков.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование индивидуально-психологических факторов развития ИЗ у подростков было проведено на базе общеобразовательных учреждений Челябинской области, г. Копейск. В исследование включались подростки, достигшие 15 лет, сплошным методом – все, кто дал свое письменное информированное добровольное согласие на участие в исследовании. Исследование проводилось в тесном сотрудничестве и при содействии Управления образования администрации Копейского городского округа, г. Копейск, Россия.

Для оценки проявлений интернет-зависимого поведения использовалась шкала интернет-зависимости Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) в адаптации В.Л. Малыгина с соавт. [5]. Шкала CIAS включает в себя 5 субшкал: 1) шкала компульсивных симптомов; 2) шкала симптомов отмены; 3) шкала толерантности; 4) шкала внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем; 5) шкала управления временем. Помимо общего показателя шкалы CIAS и показателей этих субшкал, подсчитываются вспомогательные интегральные показатели, отражающие ключевые симптомы интернет-зависимости и ее негативные последствия.

Для оценки индивидуально-психологических характеристик подростков использовались:

- оценка факторов эмоциональной саморегуляции – опросник эмоциональной регуляции Gross и John (Emotion Regulation Questionnaire, ERQ) в переводе и адаптации А.А. Панкратовой и Д.С. Корниенко [8];
- оценка общей позитивной и негативной эмоциональности как фактора поведенческой активации – методика PANAS (Positive and Negative Affect Schedule) в русскоязычной адаптации Е.Н. Осина [7];
- оценка комплекса личностных черт неклинической выраженности, деструктивно влияющих на взаимоотношения с окружающими и связанных с эмоционально холодным манипулятивным межличностным стилем (т.н. «Темная триада») – опросник «Темная триада» Jones и Paulhus (Short Dark Triad, SD3) в русскоязычной адаптации Егоровой М.С., Ситниковой М.А. и Паршиковой О.В. [3];
- оценка факторов мотивации социального взаимодействия – шкала социальной тревожности Либовица (Liebowitz Social Anxiety Scale, LSAS) и краткая версия шкалы страха негативной оценки (Brief Fear of Negative Evaluation Scale-Revised, BFNES-R) в адаптации И.В. Григорьевой и С.Н. Ениколопова [2];
- оценка фактора сниженной эмоциональности и трудности идентификации эмоций – Торонтская шкала алекситимии-20 (Toronto Alexithymia Scale-Revised, TAS-20-R) в русскоязычной адаптации Е.Г. Старостиной с соавт. [11];
- оценка особенностей восприятия подростками системы воспитательной практики родителей – методика «Подростки о родителях» Э. Матейчек

и П. Ржичан (Adolescent o Rodičoch, ADOR) в адаптации Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромицыной [1].

Математико-статистический анализ данных проводился с помощью Statistical Package for the Social Sciences ver. 26.0 (IBM SPSS). Переменные, имеющие непрерывный характер распределения, описывались средним и стандартным отклонением $M(\sigma)$, дискретные переменные и упорядоченные данные – медианой, 1-3 квартилями $Me [Q1; Q3]$. Межгрупповое сравнение шкальных оценок осуществлялось при помощи двустороннего двухвыборочного U-критерия Манна-Уитни. Нулевые гипотезы отклонялись при $p < 0,05$.

Характеристика выборки

В исследование было включено 1119 участников – пользователей интернета: 565 девушек (50,5%) и 554 юношей (49,5%). Средний возраст участников исследования составил 15,9(0,9) года. Распределение участников по школьным классам градировано следующим образом: добровольно приняли участие в исследовании учащиеся восьмых классов – 6 человек (0,5%), девятым – 592 человека (52,9%), десятым – 265 человек (23,7%), одиннадцатым – 256 человек (22,9%).

Разделение по итоговому баллу шкалы CIAS позволило разбить выборку на 3 подгруппы – с минимальным уровнем риска ИЗ, умеренным уровнем риска ИЗ, с наличием интернет-зависимого поведения. Специальной математической процедуры расчета cut-off критерия не проводилось, основанием разделения внутри общей группы респондентов являлись показатели нормативных интервалов шкалы CIAS авторов русскоязычной адаптации [5]: диапазон 27–42 балла – отсутствие интернет-зависимого поведения; 43–64 балла – склонность к возникновению интернет-зависимого поведения / доаддиктивный этап; 65 баллов и выше – наличие интернет-зависимого поведения.

Первую группу составили 349 (31,2%) участников – 154 девушки (44,1%) и 195 юношей (55,9%), средний возраст равен 16,1(0,9) года. Вторую группу – 654 (58,4%) участника, 344 девушки (52,6%) и 310 юношей (47,4%), средний возраст испытуемых 15,9(0,9). Третья группа включала 116 (10,4%) человек – 67 девушек (57,8%) и 49 юношей (42,2%), средний возраст участников этой группы составил 16,04(0,80).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В *таблице 1* отражены сравнительные данные индивидуально-психологических показателей и выраженности признаков интернет-аддикции среди обследованных юношей и девушек.

Таблица 1. Сравнение индивидуально-психологических характеристик юношей и девушек (общегрупповые данные)

Показатель	Девушки (N = 565) Me [Q1; Q3]	Юноши (N = 554) Me [Q1; Q3]	Значение U-критерия, p
Шкала CIAS			
Компульсивные симптомы	10,0 [8,0; 12,0]	9,0 [7,0; 11,0]	130 998,0 p < 0,001***
Симптомы отмены	10,2 [8,0; 13,0]	9,0 [7,0; 12,0]	134 798,0 p < 0,001***
Толерантность	8,0 [7,0; 10,0]	8,0 [6,0; 9,0]	126 977,5 p < 0,001***
Внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем	11,0 [9,0; 14,0]	11,0 [9,0; 13,0]	152 872,0 p = 0,500
Управление временем	9,0 [7,0; 11,0]	9,0 [7,0; 11,0]	149 373,0 p = 0,184
Ключевые симптомы ИЗ	29,0 [24,0; 34,0]	26,0 [21,0; 31,0]	126 174,5 p < 0,001***
Негативные последствия ИЗ	20,0 [17,0; 24,0]	20,0 [16,0; 24,0]	151 000,5 p = 0,308
Общий балл	50,0 [42,0; 58,0]	46,0 [36,0; 54,0]	134 123,5 p < 0,001***
Шкала ERQ			
Когнитивная переоценка	26,0 [22,0; 30,0]	25,4 [21,0; 29,2]	145 955,5 p = 0,051
Подавление экспрессии	17,0 [13,0; 20,0]	17,0 [13,7; 20,0]	156 103,0 p = 0,941
Шкала PANAS			
Общая позитивная аффективность	31,0 [23,0; 40,0]	32,0 [27,0; 38,0]	146 925,5 p = 0,076
Общая негативная аффективность	23,0 [17,0; 30,0]	21,0 [15,0; 26,2]	133 673,5 p < 0,001***
Шкала BFNES			
Общий показатель	31,0 [23,0; 40,0]	27,0 [19,0; 35,0]	127 296,0 p < 0,001***
Шкала LSAS			
Общий показатель	45,0 [29,0; 67,0]	41,5 [22,0; 58,0]	132 940,0 p < 0,001***

Показатель	Девушки (N = 565) Me [Q1; Q3]	Юноши (N = 554) Me [Q1; Q3]	Значение U-критерия, p
Общий показатель страха	22,0 [13,0; 34,0]	20,0 [9,0; 29,0]	130 821,0, p < 0,001***
Общий показатель избе- гания	23,0 [14,0; 34,0]	22,0 [11,0; 30,0]	138 608,0 p = 0,001***
Страх межличностных контактов	12,0 [7,0; 18,0]	10,0 [4,0; 16,0]	130 410,0 p < 0,001***
Страх формального взаи- модействия	8,0 [5,0; 13,0]	8,0 [3,0; 11,0]	133 853,5, p < 0,001***
Страх действий в публич- ных местах	2,0 [0,0; 4,0]	1,0 [0,0; 3,0]	137 668,0 p < 0,001***
Избегание межличностных контактов	8,0 [4,0; 11,0]	11,0 [5,0; 17,0]	136 191,0 p < 0,001***
Избегание формального взаимодействия	8,0 [4,0; 11,0]	7,0 [3,0; 11,0]	144 859,0 p = 0,031*
Избегание действий в публичных местах	3,0 [1,0; 5,0]	2,0 [0,0; 4,0]	142 401,0 p = 0,008**
Шкала TAS-20-R			
Трудности идентификации чувств	19,0 [14,0; 24,0]	17,0 [12,0; 21,0]	128 825,5 p < 0,001***
Трудности описания чувств	14,0 [11,0; 17,0]	14,0 [11,0; 16,0]	139 224,5 p = 0,001***
Внешне-ориентированное мышление	21,0 [18,0; 25,0]	21,2 [17,0; 25,0]	153 725,5 p = 0,607
Общий показатель	56,0 [46,0; 63,0]	52,0 [44,0; 60,0]	136 790,5 p < 0,001***
Опросник SD3			
Макиавеллизм	28,0 [24,0; 32,0]	28,0 [24,0; 33,0]	153 666,0 p = 0,599
Неклинический нарцис- сизм	26,0 [21,0; 29,0]	25,0 [21,0; 28,0]	148 936,0 p = 0,161
Неклиническая психопатия	23,0 [18,5; 26,0]	23,0 [18,0; 27,0]	155 161,5 p = 0,803
Методика ADOR			
Позитивный интерес (отец)	12,3 [9,0; 16,0]	12,3 [9,0; 16,0]	153 967,0 p = 0,637
Директивность (отец)	8,5 [5,0; 10,0]	8,5 [6,0; 11,0]	140 756,0 p = 0,003**

Показатель	Девушки (N = 565) Me [Q1; Q3]	Юноши (N = 554) Me [Q1; Q3]	Значение U-критерия, p
Враждебность (отец)	6,0 [2,0; 8,0]	6,1 [3,0; 9,0]	141 367,5 p = 0,005**
Автономность (отец)	10,9 [10,0; 13,0]	10,9 [9,0; 13,0]	142 965,0 p = 0,012*
Непоследовательность (отец)	8,1 [5,0; 10,0]	8,1 [6,0; 10,0]	148037,0 p = 0,116
Фактор близости (отец)	6,2 [2,0; 12,0]	6,2 [1,7; 11,0]	146 464,0 p = 0,062
Фактор критики (отец)	-2,5 [-7,0; 0,0]	-2,5 [-5,0; 1,0]	136 425,0 p < 0,001***
Позитивный интерес (мать)	14,0 [10,0; 18,0]	14,0 [10,0; 17,0]	151 321,0 p = 0,336
Директивность (мать)	6,0 [7,0; 13,0]	10,2 [7,0; 13,0]	155 845,0 p = 0,903
Враждебность (мать)	6,0 [2,0; 9,5]	6,0 [3,0; 9,0]	151 934,5 p = 0,397
Автономность (мать)	10,9 [9,0; 13,0]	11,0 [9,0; 13,0]	152 698,0 p = 0,480
Непоследовательность (мать)	8,4 [5,5; 11,0]	8,0 [6,0; 11,0]	151 303,5 p = 0,335
Фактор близости (мать)	7,1 [1,0; 14,0]	7,1 [1,0; 13,0]	151 505,5 p = 0,355
Фактор критики (мать)	-0,7 [-4,0; 2,0]	-0,7 [-4,0; 2,0]	154 252,5 p = 0,676

Примечание: здесь и далее *** – $p \leq 0,001$; ** – $p \leq 0,01$; * – $p \leq 0,05$, двусторонний двухвыборочный U-критерий Манна-Уитни.

Выраженные различия были обнаружены фактически по всем параметрам ИЗ – у девушек выше общий показатель шкалы Чена ($p < 0,001$), выраженность компульсивных ($p < 0,001$) и ключевых ($p < 0,001$) симптомов, толерантность ($p < 0,001$) и симптомы отмены ($p < 0,001$).

Гендерных различий в предпочитаемых стратегиях регуляции эмоций (когнитивная переоценка и подавление эмоций) выявлено не было. При этом девушки имели более выраженные проявления негативной аффективности, нежели юноши (табл. 1).

Выраженность проявлений страха негативной оценки – центрального конструкта, лежащего в основе социальной фобии и тревожности, – была значимо выше у девушек (табл. 1).

Также девушки имели более высокие значения всех показателей социальной тревожности: как общий уровень социальной тревожности ($p < 0,001$), так и общая выраженность страха в ситуациях социального взаимодействия ($p < 0,001$) и стремления избежать таких ситуаций ($p < 0,001$), а также выше баллы по всем подшкалам, учитывающим контекст социального взаимодействия (табл. 1).

Значимые различия выявлены по ряду показателей алекситимии: девушки продемонстрировали более высокие значения показателя «трудности идентификации чувств», «трудности описания чувств», а также более высокий общий уровень алекситимии (табл. 1).

В отношении личностных особенностей – проявлений «Темной триады» – гендерных различий выявлено не было.

В сфере восприятия подростками системы воспитательного процесса родителей юноши продемонстрировали более высокие показатели директивности ($p = 0,003$), враждебности ($p = 0,005$) и фактора критики ($p < 0,001$) в оценке педагогического процесса со стороны отца, но более низкий уровень автономности ($p = 0,012$).

Далее представлены сравнительные данные девушек и юношей внутри выделенных согласно проявлениям признаков интернет-зависимого поведения групп.

В таблице 2 представлены только статистически значимые гендерные различия подростков в группе с минимальным риском ИЗ.

Таблица 2. Значимые гендерные различия в группе подростков с минимальным риском ИЗ

Показатель	Девушки (N = 154) Me [Q1; Q3]	Юноши (N = 195) Me [Q1; Q3]	Значение U-критерия, p
Шкала CIAS			
Компульсивные симптомы	7,0 [6,0; 8,0]	6,0 [5,0; 8,0]	12 276,0 $p = 0,003^{**}$
Толерантность	6,0 [5,0; 8,0]	6,0 [5,0; 7,0]	12 844,5 $p = 0,018^*$
Ключевые симптомы ИЗ	21,0 [19,0; 23,0]	20,0 [18,0; 22,0]	12 032,5 $p = 0,001^{***}$
Общий балл	37,0 [34,0; 40,0]	36,0 [32,0; 39,0]	12 791,0 $p = 0,017^*$
Шкала PANAS			
Общая негативная аффективность	19,0 [15,0; 26,0]	17,0 [13,0; 23,0]	12 436,0 $p = 0,006^{**}$
Шкала LSAS			
Общий показатель	37,5 [22,7; 59,2]	35,0 [15,0; 48,0]	12 518,5 $p = 0,008^{**}$

Показатель	Девушки (N = 154) Me [Q1; Q3]	Юноши (N = 195) Me [Q1; Q3]	Значение U-критерия, p
Общий показатель страха	17,5 [10,7; 29,2]	14,0 [5,0; 24,0]	11 946,5 p = 0,001***
Общий показатель избегания	20,0 [10,0; 30,0]	17,0 [5,0; 26,0]	13 031,0 p = 0,034*
Страх межличностных контактов	10,0 [5,0; 15,2]	7,0 [2,0; 12,0]	11 830,0 p = 0,001***
Страх формального взаимодействия	7,0 [3,0; 11,0]	5,0 [2,0; 9,0]	12 439,5 p = 0,006**
Страх действий в публичных местах	1,0 [0,0; 3,0]	1,0 [0,0; 2,0]	12 980,0 p = 0,022*
Избегание межличностных контактов	10,0 [5,7; 16,0]	9,0 [3,0; 14,0]	12 827,5 p = 0,019*
Шкала TAS-20-R			
Трудности идентификации чувств	16,5 [11,0; 21,0]	14,0 [10,0; 19,0]	12 135,0 p = 0,002**
Общий показатель	51,0 [40,7; 60,0]	48,0 [40,0; 55,0]	13 128,0 p = 0,044*

Структура внутригрупповых различий в данном случае фактически полностью повторяет различия между юношами и девушками, выявленные на выборке в целом, за исключением показателя страха негативной оценки: здесь различия оказались незначимы, а также нет различий во всех показателях, характеризующих отношение к родительскому воспитанию (табл. 2).

В таблице 3 представлены значимые гендерные различия внутри группы с умеренным риском ИЗ.

Таблица 3. Значимые гендерные различия в группе подростков с умеренным риском ИЗ

Показатель	Девушки (N = 344) Me [Q1; Q3]	Юноши (N = 310) Me [Q1; Q3]	Значение U-критерия, p
Шкала CIAS			
Компульсивные симптомы	10,0 [9,0; 12,0]	10,0 [8,0; 11,0]	46 621,0 p = 0,005**
Симптомы отмены	11,0 [10,0; 13,0]	11,0 [9,0; 12,0]	47 533,5 p = 0,016*
Толерантность	9,0 [8,0; 10,0]	8,0 [7,0; 10,0]	43 874,0 p < 0,001***

Показатель	Девушки (N = 344) Me [Q1; Q3]	Юноши (N = 310) Me [Q1; Q3]	Значение U-критерия, p
Ключевые симптомы ИЗ	30,0 [27,0; 33,0]	29,0 [25,0; 32,0]	42 707,0 p < 0,001***
Негативные последствия ИЗ	21,0 [19,0; 24,0]	22,0 [19,7; 34,0]	48 380,0 p = 0,040*
Общий балл	52,0 [47,0; 57,0]	50,0 [46,0; 55,0]	47 361,0 p = 0,013*
Шкала BFNES			
Общий показатель	32,0 [25,0; 41,0]	30,0 [21,0; 36,0]	43 684,0 p < 0,001***
Шкала LSAS			
Общий показатель	47,0 [32,0; 68,0]	44,0 [27,0; 62,0]	47 491,0 p = 0,016*
Общий показатель страха	23,0 [14,0; 34,0]	22,0 [12,0; 31,0]	47 536,0 p = 0,016*
Общий показатель избе- гания	24,0 [14,0; 35,0]	23,0 [13,0; 31,0]	48 332,5 p = 0,039*
Страх межличностных контактов	12,0 [7,0; 18,0]	11,0 [6,0; 16,0]	47 216,0 p = 0,011*
Страх действий в публич- ных местах	2,0 [1,0; 4,0]	1,0 [0,0; 3,0]	47 654,0 p = 0,017*
Избегание межличностных контактов	13,0 [9,0; 19,0]	12,0 [7,0; 17,0]	47 590,5 p = 0,017*
Избегание действий в публичных местах	3,0 [1,0; 5,0]	3,0 [1,0; 4,0]	49 525,5 p = 0,012*
Шкала TAS-20-R			
Трудности идентификации чувств	20,0 [15,0; 24,0]	18,0 [13,0; 22,0]	45 721,0 p = 0,002**
Трудности описания чувств	15,0 [12,0; 17,0]	14,0 [12,0; 17,0]	48 540,5 p = 0,047*
Общий показатель	57,0 [47,0; 63,0]	54,0 [46,0; 61,0]	47 907,0 p = 0,025*
Методика ADOR			
Директивность (отец)	8,5 [5,0; 10,0]	8,5 [6,7; 12,0]	48 090,0 p = 0,030*
Враждебность (отец)	5,2 [2,5; 8,0]	6,1 [4,0; 10,0]	45 483,5 p = 0,001***

Показатель	Девушки (N = 344) Me [Q1; Q3]	Юноши (N = 310) Me [Q1; Q3]	Значение U-критерия, p
Фактор близости (отец)	6,2 [2,0; 12,0]	6,2 [0,0; 10,2]	47 326,5 p = 0,013*
Фактор критики (отец)	-2,5 [-6,0; 1,0]	-2,5 [-5,0; 1,2]	46 492,5 p = 0,005**

В группе с умеренным риском ИЗ выраженные различия были обнаружены по многим параметрам интернет-зависимости – у девушек выше общий показатель интернет-зависимости ($p < 0,013$), компульсивные ($p < 0,005$) и ключевые ($p < 0,001$) симптомы, толерантность ($p < 0,001$), симптомы отмены ($p < 0,016$), а также негативные последствия интернет-зависимости ($p = 0,040$).

Страх негативной оценки в этой группе значимо выше у девушек ($p = 0,001$), как и вся палитра показателей социальной тревожности – у девушек выше общий уровень ($p = 0,016$), общая выраженность страха в ситуациях социального взаимодействия ($p = 0,016$) и стремление избежать таких ситуаций ($p = 0,039$).

Также девушки испытывали больше трудностей в идентификации ($p = 0,002$) и описании собственных чувств ($p = 0,047$), имели более высокий общий показатель алекситимии ($p = 0,025$).

В сфере восприятия подростками системы педагогической практики родителей выявлены значимые различия – юноши имеют более высокий уровень директивности ($p = 0,030$), враждебности ($p = 0,001$) и фактора критики ($p = 0,005$) в оценке воспитательной системы отца, но более низкий уровень фактора близости ($p = 0,013$) со стороны последнего.

В целом, следует отметить, что структура внутригрупповых гендерных различий в первой и второй группе незначительно отличалась от таковой на общей изученной выборке.

Однако в группе высокого риска ИЗ либо вероятного наличия ИЗ структура гендерных различий была несколько иной (табл. 4).

В отношении проявлений ИЗ у девушек в этой группе выше значения показателя симптомов отмены ($p = 0,024$).

Эмоциональное неблагополучие девушек в этой группе подтверждается более высокими баллами общей негативной аффективности ($p = 0,001$) и более низкими баллами общей позитивной аффективности ($p = 0,008$).

Интересно, что в этой группе так же, как и в других, девушки имеют более высокий уровень страха негативной оценки ($p = 0,010$), но не наблюдается аналогичных гендерных различий в отношении социальной тревожности – выраженные различия были найдены только по параметру страха формального взаимодействия ($p = 0,015$), ниже в группе юношей.

Также нет различий, обнаруженных в других группах, в отношении проявлений алекситимии, а структура различий в оценке взаимоотношений с родителями иная, нежели в других группах – у юношей отмечается более высокий уровень непоследовательности ($p = 0,020$) и фактора критики ($p = 0,022$) в оценке воспитания со стороны отца.

Таблица 4. Значимые гендерные различия в группе подростков с высоким риском ИЗ / вероятным наличием ИЗ

Показатель	Девушки (N = 67) Me [Q1; Q3]	Юноши (N = 49) Me [Q1; Q3]	Значение U-критерия, p
Шкала CIAS. Симптомы отмены	15,0 [14,0; 17,0]	14,0 [12,5; 15,5]	1239,5 $p = 0,024^*$
Шкала PANAS. Общая позитивная аффективность	28,0 [32,0; 33,0]	31,6 [28,0; 35,5]	1164,0 $p = 0,008^{**}$
Шкала PANAS. Общая негативная аффективность	29,0 [22,0; 32,0]	24,0 [17,5; 26,5]	1049,5 $p = 0,001^{***}$
Шкала BFNES. Общий показатель	39,0 [28,0; 46,0]	32,0 [21,0; 41,5]	1181,0 $p = 0,010^{**}$
Шкала LSAS. Страх формального взаимодействия	10,0 [7,0; 16,0]	8,0 [4,0; 10,0]	1206,0 $p = 0,015^*$
Методика ADOR. Непоследовательность (отец)	8,1 [6,0; 10,0]	9,0 [7,5; 13,0]	1228,0 $p = 0,020^*$
Методика ADOR. Фактор критики (отец)	-2,5 [-7,0; 0,0]	-1,0 [-2,7; 4,5]	1233,0 $p = 0,022^*$

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное нами обследование подростков-школьников в возрасте 15–18 лет сплошным методом дает следующую картину: минимальный уровень проявлений ИЗ у 31,2% обследованных, умеренный риск ИЗ у 58,4%, выраженные признаки ИЗ / высокий риск ИЗ – у 10,4%. Девушек и юношей во всех группах примерно поровну. Полученные в данном исследовании оценки распространенности признаков ИЗ среди школьников выше, чем по европейским [19] и российским данным, полученным также с помощью шкалы Чена на московских подростках [6].

При равной доле девушек и юношей не только в обследованной выборке в целом, но и в каждой из выделенных в соответствии с признаками ИЗ группах были получены достаточно отчетливые гендерные различия в индивидуально-психологических характеристиках, являющихся факторами риска ИЗ. При чем структура этих гендерных различий была схожа как в общей выборке, так и

в группах с минимальным и умеренным риском ИЗ, но существенно отличалась в группе с высоким риском ИЗ.

В недавнем российском исследовании была показана гендерная специфика психологических факторов риска ИЗ на выборке молодых взрослых – средний возраст 22–23 года [12]. В частности, в обследованной группе мужчины в целом были менее подвержены страху негативной оценки, что соответствует данным этого исследования, полученным на подростках, а мужчины с ИЗ были более, чем все остальные участники, склонны к избеганию социального взаимодействия, что не подтвердилось в данных исследования подростков, представленных в настоящей статье.

Также в этом исследовании было показано, что у мужчин с ИЗ менее выражены ключевые симптомы ИЗ и общая выраженность симптомов ИЗ по сравнению с женщинами [12]. В настоящем исследовании проявилось то же самое на общей выборке подростков и в группах с минимальным и умеренным риском ИЗ, но не подтвердилось в группе с высоким риском / наличием ИЗ.

В целом, по данным нашего исследования, у девушек больше проявлений интернет-зависимого поведения по общему баллу шкалы Чена, по компульсивным симптомам, по симптомам отмены, толерантности, ключевым симптомам. Но в группе с высоким риском / наличием ИЗ у девушек более значительны только проявления симптомов отмены, т.е. при невозможности воспользоваться интернетом / устройством с доступом в интернет они более, чем юноши, склонны к изменениям настроения, раздражительности, беспокойству, депрессивным проявлениям, тревоге, апатии или усталости.

В исследовании Ли и соавт. была показана гендерная специфика факторов риска формирования ИЗ: в группе девочек положительно предсказывали ИЗ импульсивность и показатели поведенческой ингибиции, в группе мальчиков – импульсивность и показатели поведенческого вовлечения [16]. В нашем исследовании использовалась оценка позитивной и негативной аффективности. По мнению Д. Уотсона, позитивный и негативный аффекты представляют собой субъективное отражение действия системы поведенческой ингибиции (behavioral inhibition system), с которой связаны негативные эмоциональные состояния, и системы поведенческого вовлечения (behavioral engagement system), с которой связаны позитивные эмоциональные состояния, мотивирующие целенаправленное поведение [7]. По данным нашего исследования, негативная аффективность, связанная с системой поведенческого торможения нежелательного поведения (ингибиции), была выше у девушек в общей выборке, в группе с минимальным риском ИЗ и в группе с высоким риском / наличием ИЗ. А наиболее близкая к данным Ли и соавт. [16] картина была получена в группе подростков с высоким риском / наличием ИЗ – у мальчиков были выше показатели позитивной аффективности, отражающей работу системы поведенческой активации/

вовлечения, у девочек – показатели негативной аффективности, отражающей работу системы поведенческой ингибиции.

В соответствии с полученными данными, девушки имеют не только более выраженные признаки интернет-зависимого поведения, но и более эмоционально неблагополучны, чем юноши: у них выше общая негативная аффективность, выше страх негативной оценки и социальная тревожность, а также показатели алекситимии – общий, трудности идентификации и описания чувств, что интересно, т.к. традиционно более выраженные проявления алекситимии приписывают мужчинам.

В данном исследовании не было выявлено гендерной специфики в проявлениях личностных особенностей «Темной триады».

Выявлены определенные различия в восприятии подростками родительских стилей воспитания – в группе умеренного риска ИЗ девушки, по сравнению с юношами, воспринимают отца как менее директивного и враждебного, менее критичного, но при этом закономерно более отгороженного и невовлеченного в их дела. Примечательно, что в группе с минимальным риском ИЗ отношение к родителям, по субъективной оценке подростков, не имеет гендерных различий, а в группе с высоким риском ИЗ / сформированной ИЗ юноши воспринимают отцов как более критически настроенных и непоследовательных, сочетающих в воспитании жесткий и попустительский стили, свободу и недоверчивую подозрительность со значительной амплитудой колебаний.

Интересно, что выявленные гендерные различия в восприятии родительского воспитания касаются только отца, но не матери. В исследовании Тенг с соавт. (2020) изучалось влияние отношений привязанности к родителям и сверстникам на проявления интернет-игрового расстройства (Internet Gaming Disorder) [18]. Одна из моделей в этом исследовании показывала более значительную негативную связь интернет-игрового расстройства с привязанностью к отцу, что отчасти пересекается с нашими данными о том, что значимы оказались параметры взаимоотношений с отцом, но не с матерью. Однако итоговая модель исследования Тенг с соавт. показала более значительную роль отношений привязанности к сверстникам как протективного фактора, но не родителей [18].

Обнаруженная в данном исследовании подростков структура гендерных различий внутри групп с минимальным и умеренным риском ИЗ очень схожа между собой и повторяет общую, а структура различий в группе с высоким риском ИЗ иная – отсутствие различий между юношами и девушками в социальной тревожности значительно меньше различий в восприятии отцовского воспитания за исключением одного показателя.

К ограничениям настоящего исследования следует отнести отсутствие учета специфики видов интернет-активности. Возможно, с учетом этого фактора полученная картина гендерных различий была бы более полной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании при включении подростков-школьников сплошным методом получены данные о том, что умеренный риск интернет-зависимости характерен для более чем половины обследованных, а выраженные признаки ИЗ встречались у 10,4%.

Проведенное исследование показало значительные гендерные различия как в проявлениях интернет-зависимого поведения, так и в специфике индивидуально-психологических факторов риска ИЗ у подростков. Девушки могут быть более уязвимы к формированию ИЗ в силу эмоционального неблагополучия – алексимитии, страха негативной оценки, социальной тревожности и преобладания негативной аффективности. При сформированной ИЗ / высокой вероятности ее наличия девушки тяжелее, чем юноши, переносят симптомы отмены (ухудшение настроения, тревога, беспокойство, раздражительность, депрессия). Соответственно, мы можем предположить, что риск рецидива у девушек выше, т.к. выраженные симптомы отмены – один из важных предикторов рецидива при других аддиктивных расстройствах.

Обнаруженные в данном исследовании гендерные различия в восприятии воспитательной практики родителей касаются только фигуры отца и относятся к подросткам групп с умеренным и высоким риском ИЗ, что позволяет предположить, что в рамках системной профилактической работы один из психологических фокусов должен быть не только сосредоточен на взаимоотношениях подростка и родителей, но и касаться преимущественно взаимоотношений с отцом и учитывать гендерную специфику, показанную в настоящем исследовании.

На основании полученных данных представляется возможным построение математической модели, учитывающей гендерную специфику вклада разных индивидуально-психологических переменных в риск формирования ИЗ, и разработка современных таргетированных и гендерно специфичных программ профилактики ИЗ и раннего вмешательства среди школьников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е.* Методика «Подростки о родителях» (ПоР): Основные этапы апробации русскоязычной версии // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – №5. – С. 86–95.
2. *Григорьева И.В., Ениколопов С.Н.* Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки (краткая версия)» // Национальный психологический журнал. – 2016. – №1(21). – С. 31–44.
3. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 43. – С. 1.
4. *Кибитов А.О., Трусова А.В., Егоров А.Ю.* Интернет-зависимость: клинические, биологические, генетические и психологические аспекты // Вопросы наркологии. – 2019. – №3 (174). – С. 22–47.

5. *Малыгин В.Л., Феклисов К.А., Искандирова А.С., Антоненко А.А., Смирнова Е.А., Хомерики Н.С.* Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики : учебное пособие. – М.: МГМСУ, 2011. – 32 с.
6. *Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Антоненко А.А.* Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования Интернет-зависимого поведения // *Медицинская психология в России.* – 2015. – №1 (30). – http://mprj.ru/archiv-global/2015_1_30/nomer10.php.
7. *Осин Е.Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // *Психология. Журнал Высшей школы экономики.* – 2012. – Т. 9. – № 4. – С. 91–110.
8. *Панкратова А.А., Корниенко Д.С.* Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса // *Вопросы психологии.* – 2017. – №5. – С. 139–149.
9. *Скворцова Е.С., Постникова Л.К.* Распространенность и структура занятий Интернетом среди учащихся подростков // *Вопросы наркологии.* – 2015. – №4. – С. 29–40.
10. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Чрезмерное использование Интернета: факторы и признаки // *Психологический журнал.* – 2013. – Т. 34. – №4. – С. 79–88.
11. *Старостина Е.Г., Тэйлор Г.Д., Квилти Л.К.* и др. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // *Социальная и клиническая психиатрия.* – 2010. – Т. 20. – № 4. – С. 31–38.
12. *Трусова А.В., Гречаный С.В., Солдаткин В.А., Яковлев А.Н., Илюк Р.Д., Чупрова Н.А., Николишин А.Е., Понизовский П.А., Кибитов А.А., Вантей В.Б., Громыко Д.И., Долгих Н.Н., Ерофеева Н.А., Ильичев А.Б., Магомедова Е.А., Нечаева А.И., Пашкевич Н.В., Поздняк В.В., Семенова Ю.С., Сидоров А.А.* и др. Предикторы развития Интернет-аддикции: анализ психологических факторов // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева.* – 2020. – №1. – С. 72–82.
13. *Cerniglia L., Zoratto F., Cimino S., Laviola G., Ammaniti M., Adriani W.* Internet Addiction in adolescence: Neurobiological, psychosocial and clinical issues // *Neurosci. Biobehav. Rev.* – 2017. – Vol. 76 (Pt A). – P. 174–184. – doi: 10.1016/j.neubiorev.2016.12.024.
14. *Chung S., Lee J., Lee H.K.* Personal factors, internet characteristics, and environmental factors contributing to adolescent internet addiction: a public health perspective // *Int J Environ Res Public Health.* – 2019. – Nov 21. – P. 16–23. – doi: 10.3390/ijerph16234635.
15. *Kuss D.J., Griffiths M.D., Karila L., Billieux J.* Internet addiction: a systematic review of epidemiological research for the last decade // *Current pharmaceutical design.* – 2014. – Vol. 20 (25). – P. 4026–4052.
16. *Li Q., Dai W., Zhong Y., Wang L., Dai B., Liu X.* The mediating role of coping styles on impulsivity, behavioral inhibition/approach system, and internet addiction in adolescents from a gender perspective // *Front Psychol.* – 2019. – N10. – P. 2402. – doi: 10.3389/fpsyg.2019.02402.
17. *Stavropoulos V., Kuss D.J., Griffiths M. D., Wilson P., Motti-Stefanidi F.* MMORPG gaming and hostility predict internet addiction symptoms in adolescents: an empirical multilevel longitudinal study // *Addict. Behav.* – 2017. – N64. – P. 294–300. – doi:10.1016/j.addbeh.2015.09.001.
18. *Teng Z., Griffiths M., Nie Q., Xiang G., Guo C.* Parent-adolescent attachment and peer attachment associated with Internet Gaming Disorder: A longitudinal study of first-year undergraduate students // *J Behav Addict.* – 2020. – N9 (1). – P. 116–128. – doi: 10.1556/2006.2020.00011.
19. *Tsitsika A., Janikian M., Schoenmakers T.M., Tzavela E.C., Olafsson K., Wójcik S., Macarie G.F., Tzavara C., Richardson C.* Internet addictive behavior in adolescence: A cross sectional study in seven European countries // *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.* – 2014. – N17. – P. 528–535. – doi: 10.1089/cyber.2013.0382.

GENDER DIFFERENCES IN INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF INTERNET ADDICTION SYMPTOMS

Trusova A.V.^{1,2}, Kanashov A.E.¹, Angelovsky A.A.³, Varakosova E.L.⁴, Zhidkova T.S.⁴, Safonova A.V.⁴, Lukmanova Z.G.⁴, Berdetskikh E.I.⁴, Abramets M.A.⁴, Peskisheva L.Yu.⁴, Pakhneva K.G.⁴, Alieva S.Sh.⁴

¹ St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

² V.M. Bekhterev National Medical Research Centre for Psychiatry and Neurology
St. Petersburg, Russia

³ Department of Education of the Kopeisk City District Administration
Kopeisk, Russia

⁴ Municipal educational institutions of Kopeisk
Kopeisk, Russia

A study of 1119 school students aged 15-18 years was conducted to identify the prevalence of symptoms of Internet addiction (IA), to examine gender specificity of the symptoms of IA and individual psychological factors that are significant for its development. A minimum risk of IA was found in 31.2% of the school students examined, a moderate risk in 58.4% and a high risk/pronounced symptoms of IA in 10.4%. The study revealed significant gender differences both in the manifestations of Internet-addictive behavior and in the specificity of individual psychological risk factors of IA in adolescents. In general, girls showed more manifestations of Internet addictive behavior, more pronounced symptoms of compulsive use, withdrawal, tolerance, key symptoms and had a higher total score on the Chen Internet Addiction Scale. In the group with a high risk/presence of IA, symptoms of withdrawal were more pronounced only in the girl group, i.e., when it was impossible to use the Internet/a device with Internet access, the girls were more prone to mood swings, to be depressive, irritable, anxious, etc. The study showed that girls could be vulnerable to IA development due to emotional distress (alexithymia, fear of negative evaluation, social anxiety and prevalence of negative affectivity). In the group with a moderate risk of IA, male school students had more pronounced negative consequences of IA, as well as a more negative perception of relationships with father. Relationships with father also seemed to be more problematic in the group of young men with a high risk of IA. Gender specificity in parenting style perception was revealed only in the groups of adolescents with moderate and high risks of IA and only in relation to fathers, but not mothers. These studies can serve as the basis for the development of targeted and gender-specific programs of IA prevention and early interventions among school students.

Keywords: *Internet addiction, adolescents, non-chemical addiction, social anxiety, alexithymia, gender differences.*